

УДК 81'27

Т. Н. Талецкая, С. И. Талецкая

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТОВ УМОЛЧАНИЯ

Статья посвящена лингвистическому анализу реализации подтекста в актах умолчания, систематизации прагматических условий их функционирования и изучению прагматического потенциала последних. Предпринятый анализ выявил тенденцию распределения умолчаний, интерпретируемых авторами как речевые акты с эффектом недосказанной мысли, на преднамеренные и непреднамеренные. Преднамеренность признается главной составляющей прагматического потенциала умолчаний, с помощью которых реализуется взаимодействие следующих стратегий коммуникантов – высказывание намеком и понимание догадкой.

Введение

Лингвистическая прагматика изучает и описывает использование языка в коммуникативном процессе, стремясь при этом выявить и сформулировать правила, соблюдение которых ведет к успешности речевых актов и дискурса, а их нарушение – к коммуникативным неудачам. Исследования в области лингвистической прагматики дают богатейший материал для осознания того, каким огромным потенциалом обладают языковые средства в плане реализации коммуникативного намерения говорящего, подбирающего наиболее приемлемые формы высказываний для осуществления воздействия на адресата речи. В выборе форм выражения говорящий вынужден считаться с принципом кооперации, сознательно нарушая в определенных случаях прагматические правила, регулирующие взаимодействие коммуникантов в дискурсе [1, 42–43]. Суть коммуникативных постулатов, по Г. П. Грайсу [2], сводится к следующему: 1. сообщай ровно столько информации, сколько нужно, чтобы тебя поняли (постулат количества передаваемой информации); 2. говори только то, в истинности чего ты уверен (постулат качества передаваемой информации); 3. информация должна быть уместной (постулат релевантности); 4. избегай неясности, двусмысленности информации (постулат способа передачи информации). Для обозначения эксплицитно не выраженных смыслов, выявляемых в ходе толкования нарушений этих постулатов, Г. П. Грайс вводит понятие «импликатура», различая «коммуникативные» импликатуры (то, что может быть логически выведено адресатом из контекста речи) и «конвенциональные» (то, что может быть понято адресатом интуитивно). В нашем исследовании актов умолчания мы опираемся на классификацию импликатур Г. П. Грайса.

Результаты исследования и их обсуждение

Статус центрального компонента высказывания лингвистическая прагматика придает значению говорящего, использующего для реализации своей интенции различные средства коммуникации – вербальные и невербальные. К невербальным, например, относят коммуникативно значимое молчание и умалчивание как преднамеренные силенциальные (или нулевые) речевые акты [3], [4]. Умолчание, в отличие от смежных речевых актов – молчания и умалчивания, представляет собой недоговоренный речевой акт, в котором недомолвка имплицитно переводится в подтекст. Отличительными чертами актов умолчания являются: на синтаксическом уровне – незавершенность синтаксической структуры, по которой реализуется высказывание; на семантическом уровне – наличие подтекста как способа передачи имплицитно подразумеваемой информации, на прагматическом уровне – реализация интенции говорящего воздействовать на адресата с помощью содержащегося в недомолвке намека. Преднамеренно используя умолчание как средство воздействия, говорящий исходит из предположения, что адресат может или должен догадаться о том, что умалчивается. Основная роль в обеспечении правильного понимания умолчания принадлежит когнитивной компетенции коммуникантов, формированию на ее основе общности денотативной ситуации. Адресату в процессе восприятия умолчания предстоит не только мысленно воссоздать денотативную ситуацию, а затем соотнести недоговоренность с конкретным референтом, но и понять намерение говорящего. В этом и состоит особая прагматическая направленность умолчания – побудить адресата к самостоятельному домысливанию содержания недоговоренности и адекватному восприятию коммуникативной установки говорящего. Однако одна и та же денотативная ситуация (вследствие нарушения

тех или иных постулатов принципа кооперации) может проявляться по отношению к говорящему и адресату по-разному, т. е. реализовываться в разных референтах. Неидентификация референции умолчаний (умышленная или непреднамеренная) приводит к различного рода коммуникативным недоразумениям.

Акт умолчания имеет традиционную структуру речевого акта, включающую локутивный, иллокутивный, перлокутивный акты. Особенность умолчания в том, что локутивный акт реализуется неполностью (нарушается постулат количества передаваемой информации). Говорящий, интуитивно исходящий из предположения, что планируемый прагматический эффект будет достигнут с большим успехом за счет эффекта недосказанности, прерывает речевой акт прежде, чем мысль будет высказана до конца. Например, в одном из своих выступлений эстрадный артист Юрий Гальцев делится с публикой своими впечатлениями об одной из гастрольных поездок: «Летят в самолете на гастроли все известные российские артисты, можно сказать, весь цвет российской эстрады. Полет проходит нормально, атмосфера прекрасная, и тут самолет сильно трянуло – все замерли в ожидании худшего. В самый напряженный момент в салоне самолета раздается голос: «Представляете, что будет, если самолет разобьется? Всей российской эстраде ... ». Использованный Ю. Гальцевым акт умолчания «Всей российской эстраде ... » однозначно воспринимается публикой, правильно интерпретировавшей имплицитно предполагаемую пропозицию, на которую указывает недосказанность как коммуникативно значимое прекращение речи. Из приведенного нами примера видно, что говорящий осуществил преднамеренный обрыв речевой цепи в определенной «кульминационной» точке, располагающейся в завершающей части речевого акта, «когда его основная часть, предопределяющая исход высказывания в целом, уже произнесена» [5, 43], сообщив не меньше и не больше информации, чтобы быть понятым.

Речевой акт – акт двусторонний, в нем участвуют минимум два коммуниканта. Поэтому коммуникативно-прагматическое значение любого высказывания определяется не только интенцией самого говорящего, но и тем, насколько она понятна адресату. Использование говорящим умолчаний активизирует роль адресата в процессе коммуникации, который наравне с говорящим принимает непосредственное участие в формировании речевого акта в силу присущей ему способности предвосхищать развитие адресованной ему мысли. Предвосхищение в речевой деятельности как процесс мысленного опережения адресатом развертывания воспринимаемой речи на смысловом и языковом уровнях связано с общей теорией опережающего отражения действительности [6]. Суть теории состоит в том, что на основе врожденного и приобретенного опыта, ситуативных обстоятельств человек способен предвидеть последующее вероятностное развитие событий по некоторым начальным сигналам. На эти способности в речевой деятельности и рассчитывает говорящий, придерживаясь определенной стратегии и сознательно используя недомолвки (нарушая постулат способа передачи информации). Опираясь на классификацию имплицатур Г. П. Грайса, можно заметить, что любой акт умолчания либо прямо коммуникативен, т. е. несет информативную ценность для адресата исходя из того, что им может быть логически выведено из контекста речи, либо конвенционален, если понимание недосказанности осуществляется адресатом интуитивно. Показателем успешности акта умолчания в обоих случаях является возможность для адресата ответить на него, занять по отношению к нему ответную позицию.

В условиях общности внеязыковой ситуации, понятности для собеседников темы разговора, способствующим возникновению догадки, говорящий стремится упростить свое речевое поведение, не называя того, что и так ясно по ситуации «без слов», используя при этом готовые языковые формулы – клише, шаблоны, стереотипы. Существуют типовые речевые ситуации, когда недосказанность также используется как определенного рода клише. Например, угроза, явно выраженная с помощью преднамеренного умолчания «Ну погоди, я тебе ... », однозначно интерпретируется даже ребёнком на основе имеющегося у него опыта в подобных ситуациях как «Я тебе задам. Я тебе покажу». Недосказанность здесь кажущаяся, т. к. в сознании носителей языка за такими речевыми актами закрепилось значение «угрозы». Очень распространены в речи недосказанные пословицы. Для образованного носителя языка не составит труда восстановить на основе экспозиционной части пословицы «Все хорошо, что хорошо ... », «Сколько волка не корми ... » ее недосказанную часть. Такие умолчания позволяют говорящему точно

и метко охарактеризовать ситуацию, лицо или событие, выразить к ним свое отношение, опуская ту часть информации, которая и так понятна собеседнику.

Акт умолчания может быть использован преднамеренно, как особое стратегическое средство, отвечающее интенции говорящего, либо он имеет непреднамеренный характер и реализуется в определенной ситуации под воздействием причин эмоционального/рационального характера и отражает, например, вызванное определенными обстоятельствами психологическое состояние говорящего – волнение, переживание, растерянность, нерешительность, невозможность сосредоточиться и др. Умолчания, не планируемые говорящим изначально как таковые, часто являются следствием механического сбоя мысли, а также могут быть вызваны активным речевым или неречевым вмешательством адресата. Такие умолчания утрачивают коммуникативную функцию – говорящий умолкает, и то, что он хотел сказать, как бы «повисает в воздухе». Учитывая причины, которые приводят к недоговоренности речевого акта, мы подразделяем умолчания на преднамеренные (стратегические) и непреднамеренные (коммуникативные, конвенциональные и некоммуникативные).

Коммуникативными в нашей классификации являются умолчания, функционирующие в речи по не зависящим от интенции говорящего причинам (т. е. непреднамеренно); их имплицитное содержание логически выводится адресатом из контекста речи. К **некоммуникативным** мы относим умолчания, ведущие к нарушению коммуникативного акта; коммуникативно не состоявшиеся умолчания не понимаются или понимаются неадекватно из-за того, что идентификация референта осложнена. В группу **конвенциональных** умолчаний входят те, которые досказываются (вслух или про себя) адресатом, интуитивно понимающим, о чем идет речь. Наиболее интересную для прагматических исследований группу представляют собой **стратегические** (преднамеренные) умолчания, с помощью которых референция к отображаемой ситуации действительности умышленно вуалируется говорящим с помощью намека на предмет речи, известный лишь конкретному адресату.

В ходе исследования актов умолчания мы выявили следующие прагматические условия их реализации – это ситуации, когда близкие люди понимают друг друга с «полуслова» или «без слов»; ситуации, когда не все «молвится», когда всплывают деликатные, щекотливые, неприличные, неуместные и др. темы, относящиеся к коммуникативным табу; ситуации непринужденного общения, когда речевое поведение упрощается за счет стереотипов, однозначно воспринимаемых в данном языковом социуме (например, угрозы, неприличные выражения, поговорки, сплетни). Как хороший стратег, говорящий может прибегнуть к помощи недомолвок и намеков с целью избежать ответственности за свои слова, за их истинность. В перечисленных коммуникативных условиях умолчания имеют преднамеренный характер и функционируют как прагматически сильное средство воздействия. Недоговоренность оказывает в таких ситуациях более сильное воздействие, чем слово.

Прагматически более слабыми являются непреднамеренные умолчания в ситуациях, в которых проявляется психологическое состояние говорящего, по эмоциональным или рациональным причинам не способного завершить высказывание. Прагматически сильной в таких ситуациях может оказаться реакция адресата на умолчание, когда он, несмотря на недоговоренность обращенного к нему речевого акта, все же догадывается о том, что хотел сказать говорящий, о чем свидетельствует его вербальная либо невербальная реакция.

Прагматически нейтральны в дискурсе некоммуникативные умолчания, представляющие собой своего рода «речевой брак». Подобные коммуникативные недоразумения обусловлены несоблюдением говорящим постулата количества передаваемой информации и постулата способа выражения по Г. П. Грайсу: результативность общения требует информативности и исключения неясности, двусмысленности.

В преднамеренных актах умолчания прагматична не столько сама семантика, сколько способ её реализации говорящим, который вербально не полностью описывает отображаемую ситуацию. Говорящий лишь намекает на предмет речи, прибегая к помощи механизма вуалирования референции для номинации референтной ситуации. Адресат должен вначале разгадать намек, чтобы восстановить соотносительность с референтной ситуацией, а затем на основе догадки вербальным или невербальным способом отреагировать на стратегию говорящего. Прагматическая направленность имплицитной семантики в актах умолчания, ее связь с теорией речевого воздействия заключается, тем самым, в наличии не выраженных вербально, но угадываемых адресатом смыслов.

Соотношение доли эксплицитного и имплицитного в акте умолчания определяется тем, какой объем общей информации содержится на уровне пресуппозиции коммуникантов. Если саму пресуппозицию рассматривать как имплицитный текст, выполняющий функцию контекста для умолчаний, то можно утверждать, что содержащаяся в них информация состоит из того, что непосредственно сообщается и из имеющихся пресуппозиций. Следовательно, подтекст в актах умолчания порождается пресуппозицией, а формой его выражения становится намек, создающий эффект недосказанной мысли.

Выводы

Таким образом, высказывание намеком и понимание догадкой составляют прагматический потенциал речевых актов умолчания, о реализации которого свидетельствует достигаемый в акте общения коммуникативно-прагматический эффект. В частности, это могут быть вербальные или невербальные реакции адресата на недоговоренность, а также – вызов у него конкретного отношения (положительного, нейтрального, отрицательного) к сообщаемой посредством недоговоренности информации. Учитывая тот факт, что прагмалингвистика базируется именно на понятии речевого воздействия, в изучении прагматического потенциала умолчаний мы принимали во внимание интенцию говорящего воздействовать недосказанностью. Интерпретация актов умолчания показала, что прагматический потенциал распределяется между ними следующим образом: к прагматически сильным относятся стратегические (преднамеренные) умолчания, к прагматически более слабым – коммуникативные (непреднамеренные) умолчания и к прагматически нейтральным – конвенциональные (досказываемые адресатом) и некоммуникативные умолчания. Прагматически сильные умолчания, как стратегическое средство воздействия, используются лишь по отношению к определенному адресату, которого объединяет с говорящим общая пресуппозиция к той или иной референтной ситуации. Прагматически более слабые умолчания могут использоваться в отношении любого адресата, если сама ситуация общения предоставляет в распоряжение обоих коммуникантов средства, компенсирующие недоговоренную информацию (например, красноречивые, многозначительные взгляды, выразительную мимику, однозначно интерпретируемые жесты, позы, телодвижения).

Предпринятый нами анализ актов умолчания с позиций лингвистической прагматики выявил тенденцию распределения их по двум основным группам – преднамеренным и непреднамеренным. Первые отражают интенцию говорящего воздействовать недоговоренностью, у непреднамеренных умолчаний интенция на недоговоренность отсутствует. Выявленное различие основано на разнице мотивов в порождении умолчаний: непреднамеренные умолчания определяются мотивами, связанными с оформлением речевого акта на этапе его реализации (выбором наиболее подходящей формы выражения мысли, изменением коммуникативного задания, влиянием факторов психологического порядка, вмешательством адресата и др.), умолчания преднамеренного характера – мотивами, связанными непосредственно с содержанием речевого акта.

Литература

1. Сусов, И. П. Введение в языкознание : учеб. для студ. лингвистических и филол. спец. / И. П. Сусов. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 379 с.
2. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntaxe and semantics. – New Yorks : P. Cole, J. Morgan, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
3. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы. – Калинин : КГУ, 1986. – С. 12–18.
4. Крестинский, С. В. Интерпретация актов молчания в дискурсе / С. В. Крестинский // Язык, дискурс и личность. – Тверь : ТГУ, 1990. – С. 38–45.
5. Миролобова, Т. Г. Намеренные смысловые пропуски в рамках микро- и макротекста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. Г. Миролобова. – Ленинград, 1986. – 202 л.
6. Анохин, П. К. Функциональные аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М. : Наука, 1978. – 254 с.

Summary

The article concerns the analysis of both semantics and pragmatic aims of speech acts characterized by the unfinished thought expression: it discloses peculiarities of how implications are realized in unfinished speech acts, systematizes pragmatic conditions of their functioning, and investigates their potential as pragmatically strong, weak or neutral means of influence in discourse.

Поступила в редакцию 29.01.08.